

«САХАРОВ, ИЗ КИЕВА»

ВРЕЗ-АННОТАЦИЯ

*Тиражи стихотворных книг в советские времена отражали не столько популярность поэта, сколько отношение к его произведениям властей-предержащих. Зачастую львиная доля тиража спустя год или три отправлялась на макулатуру, что являлось чуть ли не государственной тайной. А поэзия была нужна людям. Стихи **Валентина Николаевича Сахарова** расходились в списках, их передавали из уст в уста. В эссе «Сахаров, из Киева» журналист Яков Махлин рассказывает о произведениях поэта, которые бодрили и поднимали настроение нескольким поколениям граждан страны. Сатирическая поэма того же автора – «Телега» – в среде технической интеллигенции была популярна не меньше, чем романы Ильфа и Петрова в гуманитарной прослойке. Строки из «Телеги» становились паролем, по которому работники «почтовых ящиков» определяли, кто перед глазами – свой или чужой. Единственное, чего стихи Сахарова не смогли преодолеть, так это колючей проволоки цензуры. Спустя годы и годы мы, наконец, уразумели, что препоны и запреты – ни что иное, как высшая оценка творчества поэта.*

Начало шестидесятых, редакция многотиражки «Арсеналец».

Командор Валентин Николаевич Сахаров, ещё молод и ещё не знает, что его поэмы, разошедшиеся по стране в самиздате, так и не узнают печатного станка.

Фото П. Довгодько

Уничижительная фраза «Широко известный в узких кругах» в отдельных случаях никакое не оскорбление, а самый что ни на есть комплимент. Попытаюсь объяснить на примере Командора (так его величали товарищи по работе). Или «Сахарова, из Киева» – наш герой в годы гонения на академика Сахарова сбивал этими словами сумятицу с лица собеседника. Чего скрывать, был период в истории страны, когда фамилия опального термоядерщика вызывала у ревностных исполнителей инструкций нервный тик, переходящий в панику.

Среди инженеров, работавших на оборонку, конструктор Валентин Николаевич Сахаров был известен не меньше, чем академик Сахаров у физиков. От активной работы на производстве человек отошёл в 1986 году. Но изделия, к созданию которых он приложил силы, до сих пор, по свидетельству специалистов, не сняты с вооружения. После выхода в серию им исполнилось по сорок и более лет. В компьютеризированное время – это много и очень много. Вроде второго и третьего срока жизни. Каковые машинам, то бишь изделиям, не положены.

Чтобы закончить с техническим творчеством кандидата наук (по совокупности работ) В. Н. Сахарова скажу: на похоронах поразился количеству подушечек с самыми высокими наградами. Ими был отмечен инженер-конструктор Сахаров. И ещё – знаком престижнейшей премии. Заработал напряжённым трудом. Постоянно разрываясь между двумя музами – инженерией и поэзией.

О поэзии и поговорим. Не потому, что уж сильно разбираюсь. Просто эта сторона увлечений Валентина Николаевича мне ближе. Хорошо знакома. Благодаря многотиражной газете завода «Арсенал». Имелось такое предприятие с двухсотлетней историей на киевском Печерске. Завод со дня основания ремонтировал и отливал пушки. Постепенно, в такт требованиям времени, модернизировался.

Завод и его парторганизация гордились революционным прошлым. Запись о работе на орденосном «Арсенале» считалась престижной. Чуть ли не все отпрыски республиканского, областного и городского начальства, включая периферию, начинали свою трудовую деятельность на «Арсенале». Недаром один из молодых да ушлых диспетчеров завода выписал в столбик начальственные фамилии, а сверху красным карандашом набросал: «Их нельзя посылать на...». Писателем парень себя не считал и не заморачивался, однако, как истинный творец, верил, что слова, точно выражающие мысль автора, не могут быть плохими или хорошими. Потому многоточие в конце фразы – моя самодеятельность.

О пристальном внимании высокого начальства к заводу и его жизни мы ещё поговорим, а пока запомним: то что могло пройти мимо бдительных глаз на другом предприятии, на «Арсенале» – никак.

Итак, многотиражка времени хрущёвских послаблений. Центральные улицы украшали комсомольские «Окна сатиры». Туристические походы породили целое поколение бардов. КВН, наконец. Даже в отредактированном виде Клуб весёлых и находчивых собирал аудиторию, которая телесериалам (возникли позднее) не снилась.

Вокруг «Арсенальца», так оригинально называлась заводская многотиражка, сплотился круг авторов, владеющих стихом. В него входил технолог одного из цехов Валентин Сахаров, оптик, профорг пятого цеха Анатолий Карплюк и я. Втроём мы заполняли полосы сатирическими обозрениями на заводские темы. Поскольку поэзия –

всё же искусство, нам разрешали писать на русском, хотя официальным языком газеты считался украинский. Был прецедент, один из новогодних номеров чуть ли не целиком вышел на русском – кроме заголовка газеты и приписки, чьим органом многотиражка является.

Запевалой троицы, и по праву, был Валентин Сахаров. Из-за него газета сбилась с пути ещё летом 1956 г. Сахаров разразился сатирической поэмой «Телега», «Арсеналець» её напечатал. Карплюк и я считали себя подмастерьями. Однако и такая рабсила приносила пользу, когда срочно в номер необходимо выдать очередную порцию здоровой критики размером с полосу или около.

Выяснилось, мы с Валентином Николаевичем посещали одну и ту же литературную студию при республиканской молодёжной газете. Но в разные годы. Вёл студию поэт Николай Ушаков. Ассистировал ему молодой и подающий надежды Аркадий Рывлин. Только «Избранному» двух русскоязычных киевлян – Ушакову и Эренбургу – знаменитая серия «Библиотека поэта» посвятила отдельные сборники. Причём том Николая Николаевича по объёму вдвое превосходил персональное издание Ильи Григорьевича.

Когда Сахаров перестал посещать занятия студии, я только узнал дорогу на пятый этаж тогдашнего Дома печати. Благодаря литстудии у нас имелись общие знакомые. Среди них поэт и баснописец Генрих Шахнович. В отличие от нас, он считал свои юморески в периодике и даже книжечку басен единственным достойным занятием. Бравировал своим, как тогда считалось, тунеядством. Нигде не служил. И вдруг, в начале семидесятых, в хельсинское послабление, узнаю, что Генрих уехал в Израиль. Поделился новостью с Валентином Николаевичем. Он посерьёзnel и выдал резюме:

– Идиот, там же работать, вкалывать надо! Там на дурняка не проживёшь. Свихнулся парень от безделья, что ли?

Всё, о чём рассказал – присказка. Пора переходить к рассказу. Начну с себя. Диплом техника-электромеханика меня не вдохновлял, тянуло в газету. В Киевском университете, внимательно изучив мои газетные вырезки, заинтересовались паспортом. Усекли прямую принадлежность к порочащему «пятому пункту» и посоветовали забыть дорогу в столичный вуз. Журналистов тогда готовили четыре факультета – в Москве, Ленинграде, Киеве и Свердловске. Подумал-подумал и выбрал столицу Урала, тем более – есть где остановиться. Ещё до войны в Свердловск по комсомольской путёвке уехал брат отца.

Поезда ходили через Москву. Утром приезжаешь на один вокзал, вечером уезжаешь с другого. В перерыве нанёс визит Михаилу Аркадьевичу Светлову. Как узнал его телефон и как постучал в двери квартиры во Мхатовском переулке – особая история. С нахальством, простительном в юношеском возрасте, предстал пред очи автора «Гренады», «Каховки» и возвышенных спектаклей о революции. В заглавном из них на киевской сцене играл двух персонажей будущий корифей Ленинградского театра БДТ и московского МХАТа Олег Борисов.

Поэт начал с вопроса, почему я решил показать ему свои стихи? Ответил искренне:

– Уткин погиб, Голодный погиб...

Светлов подхватил интонацию и продолжил: «Пушкина убили, Лермонтова убили...». Однако, глянул на меня и предложил прочесть стихи, отказавшись перелистывать газетные вырезки. Удивительно похожий на шаржи художника Игина, «изуковечившего» черты Светлова, поэт казался в свои пятьдесят с хвостиком ещё не старым. Но морщины, угнездившиеся на лице, вроде сами собой перетекали в складки пиджака.

Упущу подробности разбора моих строчек. Скажу лишь, что произвёл на хозяина дома не лучшее впечатление. Он как раз садился ужинать вместе с гостем – студентом литинститута, чуть старше меня. Пригласил к столу, а я наотрез отказался. Не потому, что сыт. Не мог позволить себе такое панибратство. Разговор был скомкан. Котлеты и каша стыли в тарелках. Ах, каким афоризмом одарил меня Михаил Аркадьевич! На дворе – начало июня 1958 года, слово «спутник» в новом значении украсило пачки популярных сигарет, буквально витало в воздухе. Поэт, нанизывая слова на букву «р», как мясо на шампур, произнёс:

– Запустили очередной искусственный спутник Земли. Он год повертится, два и сторит. А *«Выхожу один я на дорогу»* – естественный спутник Земли. Двести лет вертится, и столько же вертеться будет...

Огорошенный услышанным, увиденным и тем, что Михаил Аркадьевич проводил меня до метро, я входил под своды Ярославского вокзала. Отсюда шли поезда на восток, чаще через Свердловск. С билетами на относительно короткие дистанции всегда был порядок. Перрон дощатый, если не сказать, тесовый. В купе готовились ко сну два капитана третьего ранга – возвращались на службу после отпуска. За окном раздалась дробь. Шпильки только входили в моду, не обратив на них внимания не было никакой возможности. Дробь проследовала вдоль вагона и опять возникла, приглушённая дорожкой – дополнительной привилегией купейных пассажиров.

В дверях – симпатичная брюнетка с голубого цвета фибровым чемоданчиком в руках. Моряки уступили нижнее место. Засыпая, успел подумать, что ничего страшного, утром отодвину этих пожилых, слегка за тридцать, ухажёров.

Проснулся от ощущения, что меня обходят на моей лыжне. Протираю глаза – так и есть. Морские волки, передавая друг другу, как эстафету строки и строфы, читают стихи. Девушка замороженно слушает. Не возьму в толк. Знакомые интонации и ударения на опорных словах, а впервые слышу:

*Владивосток – шикарный город,
Как Рим лежит он меж холмов.
Заливом надвое распорот
Амфитеатр его домов.*

И опять, и опять до боли знакомые словесные обороты. Разве выпирает преклонение перед Тихим океаном и Тихоокеанским флотом. Дескать, можно ли

сравнивать *«курорт и лужу с океаном?»*. Курорт – разумеется, Чёрное море и его флот, лужа – Балтийское море с его подробностями.

Свешиваюсь с полки, вклиниваюсь. Лепечу, что эти стихи где-то слышал. Меня грубо выталкивают:

– Не можете знать, поэма нигде не печаталась, её написал наш гардемарин, Сахаров. Жаль, погиб парень, вырос бы в большого поэта.

Военморы с большой майорской звездой на погонах продолжали обчитывать попутчицу. Она благодарно реагировала. Как иначе, когда...

***И тают, если вы не дуб,
Снежинки на её ресницах,
От слишком близких ваших губ.***

Действие двинулось за границу, будущие офицеры направились в Японию. Строй курсантов перемещается из тесного кубрика в зал училища. А там:

***... радуя начальства взгляд
Таланты разные гремят!***

Ритмическое повествование об обыденных вроде вещах и событиях. Спасибо поэту за правдивое и точное отображение... Но всё это пришло мне в голову через пару десятков лет, когда посчастливилось ещё раз услышать строки поэмы «Гардемарин». От достаточно поживших и много переживших мужчин.

В Севастополе, на дне рождения жены капитана первого ранга – последнего командира крейсера «Слава» (родовое имя – «Вячеслав Молотов», фамилию при Хрущёве сняли, а имя оставили). Гости, пришедшие поздравить именинницу, все как один – капитаны первого ранга и командиры крейсеров. Не надели мундиры по случаю штатского мероприятия. Двое из каперрангов оказались выпускниками Дальневосточного военно-морского училища. Они-то после второй или третьей паузы принялись читать «Гардемарина». Остальные командиры крейсеров получили образование в Севастополе и в Ленинграде, но тоже знали поэму Сахарова наизусть. С готовностью подсказывали строки.

... Как-то в конце очередного бдения нашей троицы над сатирическим обзором, я вдруг вспомнил о «Гардемарине» и авторе поэмы по фамилии Сахаров. Валентин Николаевич, привычно переводивший в шутку любое упоминание о его участии в литературном процессе, вдруг посерьёзnel. Но глаза засветились. Сказал, что сокурсники, вероятно, решили, что он умер, когда уходили в очередной учебный поход, а его запроторили в госпиталь. По причине открытой формы туберкулёза лёгких. Там от безделья и набросал поэму. Начисто переписал, времени хватало, и, кажется, переслал в письме однокурснику. Может быть, и не пересылал, уже подзабыл.

Годы спустя, из стихотворений Сахарова и рассказов его жены, Валентины Ивановны, дошло, что туберкулёз, перекрывший дорогу к морю – наследие той страшной войны. Сын командира-пограничника несколько лет провёл в Иркутском детдоме (заставы дислоцировались вдали от населённых пунктов). Хронически не хватало еды, донимал холод. В возрасте, когда человек формируется и набирается сил.

Кабы не обилие душевного тепла, исходящего администрацией детдома и его обитателями, было бы совсем худо. В одной из поэм, так же не увидевшей печатного станка, поэт счёл нужным подчеркнуть:

***И даже госпиталь, не служба,
Хотя почти что схоронил,
Лечил всё больше как-то дружбой...***

Не знаю, творчество ли Александра Твардовского повлияло, но Валентин Николаевич предпочитал масштабные полотна. Из-под его пера, верьте слову, выходили не юношеские подражания и восторги, а стихи зрелого мастера. Они вполне могли встать в один ряд с произведениями признанных мастеров жанра.

Не встали. Дорогу им перекрыли бдительные редакторы. Ещё на подходе к барьеру, у которого сидели цензоры, в смысле – сотрудники Главлита. Иные из сведений, пронизавшие поэтические строки Сахарова, до сих пор проходят по разряду если не военной тайны, то строгих секретов.

Страшная катастрофа случилась на старте одной из первых межконтинентальных ракет в шестидесятых. Заживо сгорели создатели ракеты и маршал Неделин. Пусть в меньших масштабах, но аналогичная авария спустя несколько лет случилась на шахтной пусковой установке. В тот же месяц и в тот же день. С тех пор этот день – день траура. На роковое число не назначались запуски и назначаться не будут. Неизданная поэма Сахарова, посвящённая упомянутым событиям – реквием отважным первопроходцам.

Герои другой поэмы «Времена моего друга» – командированные на Байконур – сначала приезжают на железнодорожную станцию Тюра-Там. Как и обозначено в билете. Затем пересаживаются в автобус.

«Волюнтарист» Никита Сергеевич Хрущёв решил не только догнать Америку по молоку и мясу, но и перегнать по ракетной части. Попутно, приказал порезать на иголки корабли, оснащённые артиллерией. Во вьетнамскую войну именно артиллерия больших кораблей выручала Соединённые Штаты. Наши военные с грустью декламировали ходившую в списках поэму киевлянина Сахарова, где «у сорок третьего причала» корабли пускали под нож.

Не всегда поэт касался государственных военных секретов. А всё равно в его поэмах проступали строки, неуместные с точки зрения тогдашних идеологов. Он позволял себе вслух говорить о вещах, которые официально рекомендовалось замалчивать:

***...Вплоть до еврейского вопроса,
Что портил настроенье мне.
Мне – настроенье, жизнь – тебе.***

Резко и чётко Валентин Николаевич реагировал на любые притеснения людей не по деловым, а скажем так, по этническим параметрам. В центральном конструкторском бюро работал молодой инженер, писавший стихи на украинском

языке. Парня по первой же книжечке приняли в Союз писателей. Имя-фамилия сего деятеля мне известны, но не буду называть, не стоит он того. Зашёл он в редакцию многотиражки, пожаловался, что часто стали звать в отдел кадров и проводить с ним душевспасительные беседы по поводу его посещений усадьбы скульптора, заподозренного в украинском национализме.

Воспользовался я хорошим отношением с начальником ЦКБ Сахаровым, спросил, нельзя ли как-то помочь парню? Опальному инженеру выписали командировку, и он на полгода уехал в Тюра-Там. На время достаточное, чтобы ситуация рассосалась, чтобы бдительные товарищи подзабыли об опасных увлечениях молодого поэта. Он сам о себе напомнил. В первые же годы независимости. Пришёлся ко двору команде бывшей комсомолки из Днепропетровска. Нашёл, наконец, соответствующую даму сердца. Но это его пристрастия. А что по телевизору и с трибуны Верховной Рады при каждом случае стал поминать злым словом «этих русских» – меня поначалу бесило. Сахаров, коренной русский, уроженец глубинного города Ярославля, протянул ему в трудные времена руку помощи, спас, можно сказать, от крупных неприятностей... Да ну его, и его единомышленников!

Ни в одном, большом и малом своём поступке, Валентин Николаевич не походил на деятеля, который говорит одно, а поступает сообразно обстановке. Впечатляет продвижение вверх по служебной лестнице – от рядового технолога цеха до начальника заводского конструкторского бюро и главного инженера завода. По количеству докторов и кандидатов наук ЦКБ завода «Арсенал» могло поспорить с иным специализированным институтом всесоюзного значения.

Многие годы В. Н. Сахаров стоял во главе отряда создателей новой техники. И по праву. В житейских вопросах придерживался консервативных взглядов. В отличие от иных заводских начальников не поддавался модному поветрию, не заменил жену новой, молодой. Мало того, не уставал восхищаться своей женой, перенёс свою любовь и обожание на дочь, и внучку. В быту тоже не спешил шагать в ногу с прогрессом. Заядлый курильщик, пользовался исключительно спичками. Объяснял почему:

– Всем хороша зажигалка, но ею нельзя после обеда ковыряться в зубах...

В ЦКБ и в цехах «Арсенала» хватало интеллигентной публики. Толстые журналы – особстатья. Ещё были периферийные издательства. С ними-то и налабил контакт потомственный арсеналец Давид Петрович Тафлевич. Его отец в царские времена обслуживал часы, висевшие в цехах. Благодаря стараниям Давида Петровича я стал обладателем однотомника Исаака Бабеля, изданного в далёкой Караганде. Он же доставил на завод солидную стопку «Тарусских страниц», изданных стараниями Паустовского в Калуге. Мы получили возможность прочесть прозу опального Окуджавы, рассказы Юрия Казакова, повесть Бориса Балтера, стихи Наума Коржавина, Николая Панченко, Давида Самойлова, Бориса Слуцкого, Николая Заболоцкого. И Марины Цветаевой, о которой читали в мемуарах Ильи Эренбурга.

Восхождение Сахарова по служебной лестнице идеальным не назовёшь. Хитрить, взваливать вину на ближнего, человек не умел. Как бы обстоятельства не прижимали. В трудовой книжке всего одна запись – «Завод «Арсенал». А график продвижения состоял из вершин и провалов.

На моих глазах «Арсенал» стремительно разбухал. Не скажу о численности работников, но комсомольская организация превысила чуть ли не вдвое количество членов ВЛКСМ на остальных предприятиях и учреждениях района. Было не ясно, кто кому должен подчиняться – глава райкома комсомола секретарю заводского комитета или наоборот. Стремительно застраивались свободные площади вокруг завода. То и дело ползли слухи о тех или иных привилегиях начальников.

Насколько мне известно, ни один из двусмысленных слухов не прилип к Сахарову и его семье. Как получил квартиру в первой на Печерске десятиэтажной высотке, так и жил рядом с Кловской проходной. Разве что по примеру остальных новосёлов застеклил эркер и получил возможность присесть за письменный стол, никому в семье не мешая.

Обзавестись пределом мечтаний советского человека – автомобилем – так и не сподвигся. Из его ближайшего окружения, насколько я в курсе, сего добился разве инженер Полосин. Благодаря командировкам в Индию. На участке арсенальцев их дачи рядом. Разумеется, не превысили положенную площадь и кубатуру. В кухонной пристройке отвёл место для инструментов – развесил их над столом. Чтобы не потерялись и всегда были под рукой. Опробовать в деле слесарное богатство, когда руки-ноги ещё слушались, не смог. Не успел.

Вернёмся в то время, когда инженер Сахаров возглавил новый цех. Кадры – послевоенные мальчишки и девчонки. Не всех и не сразу устроили строгие порядки, введенные Командором. Как-то он заглянул в редакцию. Следом вбежал парень с обходным листом в руках, чтобы лично объяснить начальнику цеха веские причины своих прогулов. Дескать, сирота, вырос в детдоме и потому ему необходимы поблажки. Гляжу, Валентин Николаевич побледнел, смял пальцами папиросу:

– Чего разнюнился! Ты же счастливый человек! Ты никогда не узнаешь, как это хоронить родителей...

Задание новому цеху поступило архисложное. В поэме «Компасом молодость была» поэт объяснил:

***Поскольку асы заводские
Всё больше по другим делам,
То новой техникой впервые
Пришлось уже заняться нам.
... И мы освоили изделия,
Что и не снились никому.***

Лидеры на производстве ли, на спортивной площадке вызывают у коллег не только восхищение. Но и зависть. А то и неприятие. Дескать, любому могло бы повезти ... И дальше по цепочке: «я больше достоин, у меня больше стажа и заслуг».

***А я встал поперёк дороги
Кому-то, на ком нет креста:
В процентах на доске итогов
Цех не дотягивал до ста.
Меня «ушили», чтоб оправдаться,***

***Мол, меры приняты и проч.
(Проценты на доске, признаться,
За сто шагнули в ту же ночь).***

Неприятности, как убеждал один мудрый врач, всегда ходят парами. Валентин Николаевич после нескольких лет руководства центральным конструкторским бюро, то есть с должности главного конструктора завода, пересел в кресло главного инженера. Отлично справлялся с возросшими обязанностями. Да случился прокол в отношениях между директором завода и министерством. Или с соответствующим отделом ЦК КПУ. Не в курсе деталей, но из разговоров на поминках Командора вынес впечатление: директор всю вину свалил на главного. Однако ропот пошёл по цехам. Учитывая заслуги Сахарова перед заводом, для него открыли должность заместителя начальника ЦКБ по науке. То есть, назначили замом самого себя. Стоит ли после сего удивляться, что обширный инсульт настиг человека в самом что ни на есть работоспособном возрасте, за несколько лет до пенсии.

Публикации в многотиражной газете, в коллективном сборнике арсенальских авторов, в республиканских газетах и даже в журнале «Советская Украина» (будущая «Радуга») вроде бы дают право считать Сахарова признанным поэтом. «Грешить стишками» – чуть ли не повинность грамотного человека. Всё же настаиваю на том, что конструктор Сахаров сделал в поэзии не меньше, чем в технике. Мой учитель русской литературы, выпускник филологического факультета университета им. Св. Владимира (родовое название Киевского университета им. Т. Г. Шевченко) Леонид Александрович Масленков говорил, что в XIX веке, в Золотом и Серебряном веках Российской литературы, жили и творили более десяти тысяч известных писателей. Мы знаем от силы несколько десятков. Включая тех, от кого до нас дошла строка из романа или заголовок книги. (Кстати, красный цвет главного корпуса университета и чёрного цвета колонны на фасаде – ничто иное, как цвета ленты царского ордена Св. Владимира. К революционным потугам студентов и к чёрно-красным флагам позднейших «активистов» не имеют никакого отношения).

Производственно-техническая поэма Валентина Сахарова «Телега» – в некотором роде предшественница остроязычного КВН – разошлась в списках по стране, годами не сходила со сцен народных театров «почтовых ящиков» (фиговый листок в названиях военных заводов) Свердловска, Перьми и дальнего угла Тамбовской области. До сих пор строки из «Телеги» служат своеобразным паролем «свой-чужой» при встрече ветеранов этих предприятий, их сыновей и внуков. В своё время, смею утверждать, инженерная интеллигенция страны перекачивала на губах строки из «Телеги» с таким же восторгом, с каким гуманитарная цитировала романы Ильфа и Петрова.

Вторично вклинился в разговор Клуб весёлых и находчивых. Не могу умолчать, что эта игра развела по углам нашу троицу, сработавшуюся на сатирических стихотворных обозрениях. Чуть ли не с самого начала сего поветрия – с 1963 года – весь «Арсенал» жил КаВЭэНом. Заводскому дому культуры повезло с художественным руководителем, им стал некто Гальперин, сокурсник Тимошенко и Березина (Тарапуньки и Штепселя) по предвоенному выпуску киевского театрального института.

Чётко по графику, чуть ли не каждый месяц, на сцене ДК противоборствовали цеха и подразделения завода. В зале яблоку негде упасть. Соревновались по Олимпийской системе, проигравший выбывал. Пикировка юмористов растянулась до 1965 года. Из чего не трудно представить, до какой степени разрослось предприятие (уж простите, что выдаю государственную тайну).

Толя Карплюк, как профорг и патриот своего коллектива, писал тексты для пятого оптического цеха. Сахарову по штату полагалось стать автором команды ЦКБ. Исполнители там подобрались, что надо. Достаточно сказать, что их постоянно консультировали мужа и жёны сотрудников, работавшие на Киевской киностудии научно-популярных фильмов. До сих пор ленты этой почившей в бозе фирмы крутят по украинскому и российскому телеку. О той же троице казаков. Однако, петь и говорить кавээновцы предпочитали стихами. Потому без помощи Сахарова команда обойтись не могла. ЦКБ победно дошло до финала.

А меня, корреспондента заводской многотиражки, охмурила команда самого немногочисленного цеха – цеха заводских лабораторий. Состоявшая сплошь из девушек и женщин, скажем так, призывного возраста. К тому же, остроумных. Они додумались выходить на сцену под красным в белый горошек транспарантом, на котором золотом сверкали слова: «Сила женщины – слабость! Карл Маркс». Они же утверждали, что: «У команды ЦЗЛ – самые умные ноги в Киеве». Как с такой публикой не работать!

Финал: ЦКБ – ЦЗЛ. Месяца два обе команды в тайне друг от друга разрабатывали мизансцены. Чтобы ни один сюрприз не пропал зря. Накануне встречи, за неделю или меньше, звонок от Сахарова:

- Готов?
- Да вроде.
- Вечером встречаемся у меня дома.

Я принёс папочку, Валентин Николаевич достал свою. По многолетней привычке Сахаров стал чёркать мои страницы, я столь же придирчиво – его. В некоторых местах поспорили. Но пришли к выводу, что тексты вполне, на уровне. Другой вопрос: смогут ли команды ими воспользоваться?

Решающим мнением в жюри обладали главный инженер завода, секретарь парткома, председатель профкома и другие ответственные лица. Конечно же, судили беспристрастно. Моя команда – ей до победы не хватило одного балла – два или три дня после финала не столько работала, сколько ревела. Пока неформальный лидер Аня Глузберг не прекратила это безобразие: «Панихидки! Вы что, хотите, чтобы на вас оборачивались, как на бледных поганок?».

... В былые годы было принято смотреть кинофильмы до дыр. Отсюда, плотно вошедшие в язык реплики, фразы и даже междометия из «Чапаева». Вместе с мифами и анекдотами. Не меньшей популярностью пользовались довоенные кинокомедии, среди них – «Антон Иванович сердится» (по сценарию Евгения Петрова, соавтора Ильи Ильфа). Из того фильма выпорхнула фраза-осуждение «Несерьёзный музыкант». Её приклеивали человеку, который балуется несерьёзным делом, типа стихов. Сахаров

скрывал сколько мог, под псевдонимами чаще всего – Валентин Телегин – своё поэтическое творчество.

Когда Михаил Павлович Семёнов, ответственный секретарь «Арсенальца», в очередной раз договаривался на республиканском радио о выступлении заводских поэтов, Валентин Николаевич не спорил, соглашался и приветствовал. Но посылал вместо себя кого-нибудь из своего окружения. Товарищи, как правило, тщательно отработывали задание. Набирали воздух в лёгкие и громко читали: «Стихотворение «Мастер». Когда вместо названия стояли «три звёздочки», они объявляли: «Стихотворение «Три звёздочки» ...».

Первую часть «Телеги» опубликовала многотиражка «Арсенала», затем поэма вошла в коллективный сборник самодеятельных литераторов завода. Тиражом по тогдашним меркам небольшим. Профсоюзной библиотеке предприятия досталось десять экземпляров. Они до сих пор стоят на полках, но сборник читатели перестали заказывать ещё в начале шестидесятых. Всё потому, что страницы, на которых уместилась «Телега», во всех библиотечных экземплярах аккуратно вырезаны.

Если какой-нибудь олигарх захочет приобрести всё, что осталось от завода, включая библиотеку, он не сможет повторить широкий жест бывшего президента Украины Порошенко. Тот, разбогатев на прикарманенной конфетной фабрике имени Карла Маркса, и дав ей лишь часть своей фамилии – «Рошен», – вскоре овладел и Киевским судостроительным заводом. Тамошнюю профсоюзную библиотеку (30 тысяч томов) подарил, отдал за безденеги, кузнице новых национальных кадров – Могилянской академии.

И ещё пару слов, прежде, чем перейдём к знаменитой поэме Сахарова. Сюжет довольно прост, по таким лекалам в девятнадцатом веке изготавливали водевилы. Заводу, прежде выпускающему *«мыло, гвозди, сапоги, рукава к жилеткам...»*, который *«занимался всерьёз только хомутами»*, поручили выпуск телеги. Иди знай, к чему бы сия разнарядка привела, да у ворот предприятия главный инженер обратил внимание на кучера дядю Федю, дремавшего рядом со своей кобылой. *«И идея родилась тут у руководства» ...*

Давать изделиям гражданские имена, с целью запудрить мозги шпионам – обычный приём «почтовых ящиков». Но «Телега» для кадровых арсенальцев имела двойной смысл. До войны завод выпускал боевые тачанки. Ветераны рассказывали, как проверялось качество той продукции. Из партии тачанок военпред выбирал первую попавшуюся, её сбрасывали с четвёртого этажа здания дореволюционной постройки (примерно с шестого-седьмого, если, в пересчёте на дома послевоенной массовой застройки). Коль рессоры выдерживали и пулемёт не отлетал в сторону – всю партию принимали. И отправляли в войска.

История выпуска образца изделия «Телега» началась со строгого окрика из «поднебесья...»:

***Есть звонки, которых ждут,
Есть не ждут которых.
Поболтают пять минут
И забудут скоро.***

*Есть звонки, наоборот,
Из разряда вечных,
День рабочий напролёт
О делах сердечных.*

*Есть звонки, как канитель,
Как улыбка тёщи,
Как весенняя капель,
Как синица в роще...
Это был не тот звонок,
Как мороз по коже,
Он поднять из гроба мог!
И угробить тоже.
Трубку взял директор и
Стал белее снега.
Это вам не соловьи,
Это Главтелега!*

Немного препирательств – как без них. Какому руководителю предприятия нужна лишняя обуза?

*– Да, но мне на хомуты
Не хватает силы.
– Получай, брат, и конец,
Ни к чему неверие.
За неделю – образец.
Через месяц – серия.
Не телега, а краса
Чтоб изделие было.
Все четыре колеса
В комплексе с кобылой!*

Опытный читатель уже догадался: Валентин Николаевич опёрся на песенный хорей, который подковал поэму «Василий Тёркин». Нам же остаётся посочувствовать директору завода. Одно дело пообещать начальству и совсем другое – обещание выполнить. Тут без совещаний с подчинёнными не обойтись. А у каждого итээровца свои заморочки.

*Среди прочих выступал
Там начальник цеха.
Он, как только слово взял,
По КБ проехал.
Дескать, знаем мы давно,
Рад ли кто, не рад ли,
В хомутах КБ сильно,*

*А в телегах – вряд ли.
Надо, чтоб проверен был
Каждый лист из треста!
Как бы не пришлось кобыл
Подгонять по месту.*

Поскольку не все читатели прошли обкатку на заводах, позволю себе расшифровать приведённые в строках поэмы сокращения. ППО – планово-производственный отдел, ОГТ – отдел главного технолога, АХО – административно-хозяйственный отдел, КБ – конструкторское бюро, БРИЗ – бюро по рационализации и изобретательству, НИИ – научно-исследовательский институт, ЗИП – комплект запасных частей, инструментов и принадлежностей.

Продолжим излагать конспект прений на совещании у директора.

*Зам. начальника КБ
Снял очки угрюмо,
Не сказал ни «мэ», ни «бэ» –
Обещал подумать.
И технолог слово взял,
Посмотрел сурово.
«Мэ» сказал, и «бэ» сказал,
Выступил толково.
Встал снабженец:
– Как же быть
Будут ли кобылы?
За полгода заявить
Фонды надо было.
А начальник ППО,
Обойдя молчанием
Сказанное для него,
Кончил обещанием:
– За комплектность не берусь
Я авторитетно,
Но ритмичности добьюсь,
Хоть и не комплектно.*

Долго ли, коротко ли, завод приступил к работе над выпуском новой для себя номенклатуры.

*Из снабженья на места
Я не знаю точно,
Человек не меньше ста
Вылетело срочно.
Для телеги покупных*

***Много материалов:
И гнедых, и вороных,
И каких попало.***

Надеюсь, не нужно пояснять что под «покупными материалами» имелись в виду детали и узлы, которые выпускают родственные предприятия. Напряжение с каждым днём нарастало.

***И диспетчерам пришлось
Поработать в мыле:
Сделали одну лишь ось,
О другой забыли.
Цех пока что всех ругал
Без предупреждений.
И попутно оформлял
Кучу отступлений.***

Слепить образец изделия – не половина, четверть дела. Телеге, реквизируемой у заводского кучера, прежде, чем сдать её военпреду, то бишь заказчику, необходимо придать товарный вид. Прошу у читателя прощения за обильное цитирование, но ведь это строчки, благодаря которым сразу понятно, что перед тобой не посторонний человек. Уж он-то на собственной шкуре прочувствовал уровень компетенции иного военпреда.

***Стал заказчик принимать,
Телега – не дышло.
Смотрит раз, и два, и пять –
Как бы что не вышло.
У него испуг в глазах,
Темя чешет, лоб ли,
Но с микрометром в руках
Меряет оглобли.
Смерил радиус колёс.
Ничего. Чертёжный.
А окружность? Вот вопрос
Так и влипнуть можно.
– В ней же нету «Два пи эр!» -
Заявил он громко.
До принятия срочных мер
Прекратить приёмку!

Все забежали. И вот,
Чтоб солидней было,
Приезжает на завод
Из НИИ светило.***

*Говорит он:
– В чём вопрос?
Где нашли изъяны?
«Два» и «пи» для всех колёс
Будут постоянны.
Значит, ежели у вас
Радиус чертёжный,
То на этот тарантас
Положиться можно.*

*Все поверили. И был
Снят конфликт умело.
А заказчик всё ж подшил
Заключение в дело.
Вновь приёмка началась,
Но недолго длилась.
Где-то и на этот раз
Что-то зацепилось.
Совещанье собралось,
Слышатся проклятья.*

*Вот по поводу колёс
Есть мероприятия:
«Разобрать, промыть, собрать,
Перемазать, смазать...
А, чтоб не пришлось опять, –
Повторить три раза!»
Мыли не жалея сил,
Всё в руках горело.
А заказчик вновь подшил
Пару копий в дело.*

Прервём главу о задаче образца изделия заказчику. Ради познавательной информации. Заводская многотиражка первую часть «Телеги» опубликовала летом 1956 года. До запуска в космос первого спутника Земли, пропевшего песню, состоящую из одного слога «Бип-бип-бип...», оставалось полтора года. Действие в поэме происходило и того раньше. Заказчик продолжал наседать на изготовителей изделия:

*– Решён вопрос,
Вся приёмка рада.
Но телегу на мороз
Испытать бы надо!
Дали минус пятьдесят.
Хотя покрылась снегом,
Но все пять часов подряд*

Держится телега.

Испытывать, так испытывать. Требования военпреда – закон.

Говорит заказчик:

– Для

Полного парада

Абсолютного нуля

Нам достичь бы надо.

Стали нагонять его.

Смотрят через стёкла.

Для телеги ничего,

А кобыла сдохла.

И решил завод: «Коль влип,

То без проволочки

Поставлять кобылу в ЗИП!

И на этом точка...».

Абсолютный ноль по шкале Цельсия – минус 273,16 градуса. Имеет место быть исключительно в космосе, далеко за пределами атмосферы Земли. Остаётся догадываться, почему проморгали цензоры, обитавшие в отдельном кабинете на территории областной типографии, где версталась многотиражная газета. Обычно они каждый термин на полосах пробовали чуть ли не на зуб. А явный намёк на то, что зашифрованное изделие предназначено для запуска в дальнее поднебесье, пропустили. Или приняли абсолютный ноль за поэтическую гиперболу? Вернее, всего, в их гроссбухе под названием «Перечень сведений, запрещённых к печати» о космосе ещё не было ни слова.

Заканчивалось повествование о выпуске образца изделия авторским обещанием описать переход на серийный выпуск. Однако «дерево-поэма» росло медленно. По причине занятости поэта на производстве и непосредственного участия его в выпуске не мифических, а настоящих «телег», к гужевому транспорту никакого отношения не имеющих. Добавилось забот в связи с расширением круга обязанностей. Согласимся, у начальника конструкторского бюро, то есть у главного конструктора всей линейки изделий оборонного завода, обязанностей поболее. Служебных и, скажем так, моральных.

Начальник ЦКБ Сахаров приветствовал далеко не каждую инициативу. Особенно в части приоритетности открытий. Часто с его уст слетала фраза:

– Не забывайте, у великого Эдисона, автора тысячи с гаком изобретений, имелся всего один патент. Даже не на знаменитую лампочку накаливания, а на её патрон...

Смею утверждать, Валентин Николаевич всегда оставался человеком, которому хотелось подражать даже в мелочах. Это я уже от себя говорю. В отличие от цеха, которым прежде командовал Командор, в ЦКБ к нему можно было заходить, минуя посты бдительной военизированной охраны. В многотиражке планировалось большое

сатирическое обозрение, а дозвониться до Начальника (ещё одна кличка, правда, с шутейным уклоном) никак не мог.

Наши бдения над текстами забирали обычно три-четыре часа выходного дня. Думаю, они расслабляли Сахарова, позволяли нырнуть из рабочих будней в другую атмосферу. Но в тот раз Валентин Николаевич, сказал, что «кинá не будет», плохо себя чувствует Валентина Ивановна, у неё что-то с вестибулярным аппаратом. Главный конструктор употребил другой термин – «барахлит гирокомпас». Но это уже детали.

Звонок, длинный и настойчивый, явно междугородний. Командор кивнул мне, дескать, сиди, ничего секретного. Действительно, зазвучали слова сплошь из рыбацкого цикла: «блесна», грузила», «крючки». Вперемешку с цифрами. Ближе к концу разговора высокий руководитель поинтересовался здоровьем жены и успехами дочери.

– Она у меня молодец! Отлично учится. Примерно в пятом или шестом классе.

Подробнее рассказал о жене. Ничего такого, в больнице держали скорее для профилактики, теперь вообще всё в порядке. Валентин Николаевич повесил трубку и обратил внимание на подпрыгнувшие к причёске, мои брови:

– Понимаешь, он там в Москве, а мы с тобой в Киеве. Дошли слухи, человек интеллигентный, решил поинтересоваться лично. Но помочь на таком расстоянии не в силах, а везти Валю в Москву... Страшное позади, у нас специалисты не хуже. Вводить человека в курс? Зачем? Сделать ничего не сможет, но огорчится...

(Позволю себе прокомментировать интонации Валентина Николаевича в телефонном разговоре с начальником из Москвы. Информация о дочери, которая «учиться примерно в пятом или шестом классе» – никакая не бравада, а элементарная защита личного от посторонних глаз. Уж я-то знал, что Николаевич был в курсе оценок дочери по физике, математике и прочим «техническим дисциплинам». Отец искренне радовался, что Наташа, возможно, пойдёт по его стопам. Так оно и случилось. Дочь поступила и окончила знаменитый Московский физтех).

Ловлю себя на том, что оттягиваю разговор о второй части «Телеги». На мой взгляд, она посильнее и погуще первой. За восемь лет автор основательно вник в производство. Прошагал вверх по важным ступеням. А тот разговор Командора по телефону напомнил: о чём, о чём, а на положенных поэту эмоциях, он в стихах не заострял внимания. Даже бравировал:

***Меня нисколько не волнует,
Цветут различные цветы...***

Не знаю, как о цветах и о любви, но своей Вале поэт посвятил строки, ничего близкого к которым не встречал у классиков жанра. Что-то похожее как-то попало у Михаила Голодного, посвятившего жене такие строки:

***Для неё я самый, лучших в мире нет,
Для неё я главный на земле поэт.***

Валентин Николаевич не побоялся вставить в стихи раздумья, о которых не говорят. По крайней мере вслух. Думаю, стихи его того же накала, что и хрестоматийные «Я помню чудное мгновенье...». Уж извините за сравнение, но убедитесь сами:

***И если мне останется полдня
И даже Бог не устранит причины,
Ты всё-таки приляг возле меня,
Чтоб я в пучину бросился с вершины!***

Вторую часть организационно-технической поэмы – «Серию» – подстерегло множество препятствий. Бдительность цензоров, соответствующие органы значительно заострили и углубили. Эпоха «позднего реабилитанца» под конец правления Н. С. Хрущёва значительно растеряла свой либеральный пыл.

Карточки на продукты и ширпотреб отменили в конце 1947 года. Ах, какое было удовольствие зайти в магазин, победно брэнча мелочью (монеты всех достоинств сохранили реальную цену) и попросить взвесить хоть триста граммов, хоть полкило хрустящего хлеба. Не прошло и пяти-семи лет, как тихо, без аплодисментов, карточки вернулись, правда назывались иносказательно, талонами. О них, о талонах, имеется упоминание в вводной главе второй части «Телеги», посвящённой панике – последствию приказа о запуске изделия в серию.

***Весь завод в огнях не спит.
Зимний вечер долог.
Через двор бежит, бежит
Ведущий технолог.
Увидал конструктор и
Закричал с порога:
– Эй, подмётки бы свои
Поберёг немного!
А технолог сквозь мороз,
Не смиряя бег,
Лишь два слова произнёс:
– Серия! ... Телега!..
– Запуск! – догадался тут
Наш конструктор с дрожью...
Вот диспетчеры бегут,
И снабженцы тоже.
Недоумевают люд,
Смотрит удивлённо:
Может быть, носки дают,
Где достать талоны?***

Оставим литературным гурманам перекачивать на языке слово «люд». Обратим внимание на вопрос: «Где достать талоны на носки?». Не знаю, как на других

предприятий города, а профком «Арсенала» взял под опеку снабжение рабочих и служащих прочными носками восточногерманского, то есть гэдээровского, производства. Стоили они относительно дорого, зато всем досталось не по одной паре. Мне те носки беспорочно служили более десяти лет.

Ко времени окончания второй части поэмы «нашего дорогого Никиту Сергеевича» сняли со всех постов и лишили положенной бывшему главе государства пенсии. Хрущёва спасла номинальная служба в армии в чине генерал-лейтенанта. В отличие от низложенного им Кагановича и прочих участников «антипартийной группы» Никита Сергеевич был относительно обеспечен генеральским выходным пособием. Хотя на военной стезе не снискал себе никакого уважения.

В начале автор посчитал необходимым вставить в текст персональное обращение к читателям:

*... Помню вышла в свет та часть –
Поднялась тревога.
Объясняю, аж охрип,
Тем, кому обидно:
– Это ж обобщённый тип!
– А откуда видно?
Не пронять, однако, их,
Нет с народом слада:
– Обобщай, но про других,
А про нас не надо.
Я читателю сейчас
Честно обещаю:
Обобщаю не про вас,
Просто обобщаю.*

Извинение поэта не попало на глаза публики. «Серию» зарубил заместитель секретаря парткома завода по идеологии. Я, литсотрудник заводской многотиражки, не понял юмора и направился в кабинет по другую сторону лестничной площадки. Исчерпав все возможные аргументы и не найдя понимания, обозвал секретаря «мудаком» и хлопнул дверью.

И то, и другое меня несколько успокоило. Но идеолог завода затаил хамство и добился-таки решения парткома, в котором чёрным по белому было написано «За оскорбление заместителя секретаря парткома, выраженного словом «м.....», Махлина Я.М. от работы в многотиражной газете отстранить». Спустя годы хватился выписки из документа и не нашёл, где-то в папках затерялась.

Обидно, конечно, было покидать «Арсеналець», которому отдал десять лет жизни – пять в качестве рабкора и пять официальным литсотрудником. Но оставаться в многотиражке не имело смысла. Начинаясь 1967 год. Газета перестала публиковать сатирические стихотворные обозрения – партком запретил...

Средства массовой информации в советские времена числились исключительно за партийным ведомством. Многотиражки подписывали, как определили бы Ильф с Петровым, зицредакторы. В ранге членов парткомов, то есть лиц, идеологически проверенных. Техническую работу выполняли литсотрудники во главе с ответственным секретарём.

Помнится, пару лет «Арсеналець» подписывал потомственный питерец, блокадник, абсолютно не знавший украинского языка. На чтение готового номера у него уходило полдня и более. Замечаний обычно не делал. Лишь постоянно вежливо напоминал о своей просьбе – свести в материалах к минимуму слово «праця» («труд»). Оно ему казалось не очень эстетичным. А как без «праці» обойтись в заметках и корреспонденциях, посвящённым людям труда?

В общем и в целом с редакторами газете повезло. С ответственными секретарями тоже. С тем же Сашей Кисловым, ветераном войны. Перед увольнением в запас его поставили старшиной женского взвода. Спустя годы человек бледнел и скрежетал зубами, когда припоминал названия одежд, полагавшихся по Уставу его подопечным. Травма сказывалась на подборе кадров редакции. Он никак не мог решиться принять на должность литсотрудника особу женского пола. Но именно Саша Кислов, в свою ответсекторскую пору, убедил редактора и опубликовал в газете первую часть «Телеги».

При мне Саша сдал дела новому ответсеку – Семёнову Михаилу Павловичу. Журналист, набравшийся газетного опыта ещё в довоенные времена, поработал в больших газетах и даже в ТАСС. Поднял планку издания. Привлёк к созданию университета рабкоров преподавателей из университета им. Т.Г. Шевченко, организовывал для актива поездки по заповедным и привлекательным местам. Добывал в профкоме деньги на проведение конкурсов и такое прочее.

С течением времени, партийное руководство пришло к выводу, что пост редактора можно, наконец, доверить человеку с журналистским опытом. Разумеется, исключительно члену партии. Оказалось, Михаил Павлович в партии не состоял. То есть, когда-то всё-таки находился – без партбилета в прессе никак. Но выбыл из рядов. То ли в разгар борьбы с космополитами, то ли попал под каток какой другой компании. «Ничего – решили мы, литсотрудники и рабкоры – такой человек достоин доверия!». Парткомиссия при парткоме завода учла наше мнение. Да стеной встали зубры из парткомиссии Печерского райкома. Сколько активисты многотиражки не пытались их переубедить, ничего не вышло. Среди тех, кто написал рекомендацию в партию М. П. Семёнову был, конечно, В. Н. Сахаров. Ему и принадлежала фраза, которая не то чтобы нас успокоила, но расставила составляющие по местам:

– Когда человеку за пятьдесят, мало ли что ему можно припомнить. Но зачем же с таким злорадством и пеной у рта?

Год или два после увольнения из «Арсенальца» не мог успокоиться и посылал обе части «Телеги» в разные популярные издания, начиная с «Юности». По письмам из редакций понимал, что поэты, привлечённые к сочинительству ответов, поэму о производстве не пробежали глазами. Хотя все средства массовой информации в Союзе из кожи лезли, дабы покрасивше представить трудовые подвиги рабочих и колхозников. Особенно старалась «Правда», раз за разом воспевала очередного героя. Среди журналистов ходила байка об очеркисте, описавшем подвиг шахтёра из

Донбасса. То ли в спешке, то ли по невнимательности корреспондент спутал одну букву в фамилии героя. Назавтра рекордсмена пригласили в соответствующее учреждение и выдали новый паспорт, с новой, прославленной газетой, фамилией. Журналиста в тот же день уволили из органа ЦК КПСС. Чтобы не наводил своей неряшливостью тень на плетень героического труженика.

Впрочем, из одного периферийного издания пришло прямо-таки восторженное письмо. Из «Спутника «Крокодила». Такой журнал много лет издавался на одном из почтовых ящиков Перьми, даже гонорары выплачивал. Редактор очень даже обрадовался «Телеге», но написал, что его журнал поэму чуть ли не в каждом номере цитирует. Поэма не сходит со сцены заводского ДК. Читатели без того её хорошо знают и помнят.

Столько лет прошло, большинству запретителей поэзии Сахарова претензий не предъявишь. Впрочем, у них и в те годы имелась в запасе отговорка, против которой не попрёшь. В одном из посвящений Валентину Николаевичу (или в дружеской пародии) прозвучало: *«Если знают наизусть – издавать не надо!»*.

Вернёмся к «Серии». Она осветила трансформацию, которую претерпели за восемь лет предприятия определённого ведомства. Одна из начальных глав поэмы так и называется – «Кооперация».

*Главтелегой решено,
Дошло до завода,
Запустить телегу,
Но
Враз на всех заводах.
... Главк решил соображать
В свете установки.
Но не в части крепежа,
Литья и штамповки.
Это хлопотно.
А вот
Если так наметить:
Спицы – на один завод,
Колёса – на третий...
И заводы в унисон
Пыхнут дымом вскоре.
По объёму испокон
Судят о конторе.
Спицы сделаны – объём,
Передай другому.
Тот оформит колесом –
Плюс объём к объёму.
А в телеге колесо
Вновь объёмом вышло.
Пятый собирает всё –*

*Плюс к объёму дышло,
Плюс к кобыле тарантас...
Вот вам акт приёма!
Тут колёса пятый раз
Вылезли объёмом.
А телега – третий раз,
А кобыла – дважды...
И проходит Главк у нас
В двери банков важно.*

Словом, в массовое производство была запущена всё та же телега, изъятая у заводского кучера и представленная в первой части поэмы в качестве образца. Её разбирали и смазывали десять раз, вследствие чего изделие еле-еле дышало. Автор ещё прибёг к риторическому вопросу:

*Разобрать бы так же вас,
Как бы вы запели?*

Освоение серии открывало виды на добавочное денежное вознаграждение. Потому даже организационно-технические мероприятия проходили, можно сказать, под радужный аккомпанемент. Автор посвятил им отдельную главу. Попытаюсь вытащить из неё наиболее яркие куски. Хотя, на мой взгляд, каждая строка на месте, без неё картина будет не полной.

*... начальством взвинчен,
Всех директор на совет
Собирает нынче:
«Так, чтобы любому мог
Лично дело дать я!»
(Это означает Орг.
Тех. Мероприятия).
Собрались...
– Хочу сказать,
Чтобы ясно было:
Нам придётся стыковать
Телегу с кобылой.
Кучеров лихих возьмём,
Парк станков умножим,
И конюшни возведём,
И амбары тоже.
Денег не жалеть!
Объём,
Так сказать, дай Боже!
Ваши мнения?*

*Как всегда
Взял конструктор слово:
– Производство, вот беда,
Не потянет снова.
Им чертёж, что тёмный лес,
Верят чуши всякой.
Надо творческий процесс
Понимать, однако!
Встал технолог:
– Мы добьём
Оснастку законно.
Перед вами за неё
Отчитаюсь в тоннах.
Встал снабженец:
– Без прикрас
На конезаводе
Отношения у нас
Налажены вроде.
А с телегами, тут так,
Если осложненья,
Скорректирует сам Главк
Перевыполненье...
Всемогущ, но не речист,
Перебив кого-то,
Выступил экономист
По вопросу счёта.
И пока он объяснял
Теорий отрывки,
До людей дошёл финал:
Будет прогрессивка!*

В изложенном выше законспектированы, как не трудно догадаться, тексты выступлений технической элиты завода. В подтекстах таились некоторые детали.

*Мне лишь основную нить
Помянуть охота:
На кого кому взвалить
Разные заботы.
Есть работа?
Жить трудней,
Кумекай заранее,
Как бы это поверней
Обойти взыскание?*

*Не дают ни ум, ни труд
Гарантий для нервов.
Важно на КОГО спихнуть
И КТО капнет первым.
Если же по каплям тем
Сам составит мнение...
Ох, уж эти ОТМ,
Чистое мученье! ...*

Организационно-техническое совещание, конечно же, наметило конкретные направления в работе предприятия. Они вошли в итоговое решение:

*Кроме мелочей, таков
Был итог усилий:
Укрупнили пять цехов,
Два разукрупнили,
Порешили в трёх винтах
Поменять головки,
И установить на днях
Бак для газировки.*

*И, конечно, в навека
Отточенном стиле,
Записали ОТК,
Чтоб контроль усилить.
Ценный опыт подхватить
(У соседа ж вышло!),
На конвейере внедрить
Поначалу дышло.*

*Капстроительство вписать
Без долгих редакций,
Заложить объектов пять
И просить дотаций...*

Нечего удивляться тому, что «Телега» – обе её части, подчёркиваю – пришлась ко двору на «почтовых ящиках», весьма далёких от оптического профиля «Арсенала». Мероприятия по улучшению условий работы в цехах, как правило, заканчивались установкой ёмкостей с бесплатной газировкой. А технологический процесс, связанный со шлифовкой оптики, требовал спирта. На каждое мероприятие в Дом культуры «Арсенала» обычно привозили из цехов и ставили за входными дверями означенные баллоны с газировкой. К сему месту напрочь приклеился лозунг: «Здесь запивают!». Что же касается хитростей по увиливанию от излишних хлопот, строгих предписаний отдела технического контроля и прочего, и прочего – на большинстве оборонных (и не только) заводов нюансы совпадали тютелька в тютельку.

Вторую часть «Телеги» иногородние почитатели выучили не целиком. Строки и целую главу, что была посвящена футболу, они не приняли близко к сердцу. В отличие от киевлян, где на каждом матче на стадионе имени Хрущёва, рассчитанного на 100 тысяч мест, были заняты болельщиками даже ступеньки между секторами. Правда, стадион успели вторично переименовать, убрали имя проштрафившегося «волонтариста». Но болеть за киевское Динамо вослед за первым лицом в ЦК КПУ не перестали. Абонементы на футбол – дефицит из дефицитов. В КЦ (Киевском ЦК) почти во всех кабинетах висела таблица футбольного первенства страны. Весьма ответственные сотрудники всегда лично их заполняли.

Главу, посвящённую ОТМ, заканчивали такие строки:

*Торг ещё б неделю шёл
(Есть по мётлам мнение),
Но поскольку ждал футбол –
Прекратили прения.
Крупный вытирая пот,
Дескать, потрудились.
Кто на матч, кто на завод
Люди расходились.
Поругались, кто с кем мог,
И опять все братья...
Прелесть эта штука:
Орг. Тех. Мероприятия!*

В главе о футболе персонально отмечен футболист (впоследствии – тренер), чья фигура украшает вход на киевский стадион «Динамо» – Валерий Лобановский. В поэме причисление его к бессмертным выглядело так: *«Рыжий штуку сделал!»*. Заглавному киевскому стадиону – ныне Олимпийскому – не привыкать к переименованиям. Поначалу он носил фамилию наркомавоендела Льва Троцкого. Проходящую рядом улицу называли Красноармейской. Во времена Независимости ей вернули изначальное – Большая Васильковская.

Что же касается имён футболистов, которых чуть ли не боготворили, надо упомянуть и преемника Лобановского в майке под номером 11 – Олега Блохина. Стоило форварду появиться в ложе театра, как спектакль, считайте, был сорван. Публика глядела не столько на сцену, сколько на своего кумира – виртуоза футбольного мяча, прославившего в Союзе и за его пределами Киев и Украинскую ССР. Блохин, обладатель золотого мяча лучшего футболиста Европы, снискал себе уважение и как футбольный тренер. Ненависть тоже. Спортивная печать, радио и телевидение в начале XXI века его дружно освистывали. Всё потому, что занятия с командой, интервью с журналистами он проводил на русском языке, а не на государственном, украинском.

Вернёмся к «Серии». Ею с коллегами из родственных заводов делились друзья Командора. В компанию близких Валентину Николаевичу арсенальцев входило

человек десять, не больше. Но каждый из них – Личность. С большой буквы. И пусть в большинстве они учили стихи разве что в школе, поэму из своей заводской жизни запомнили назубок.

Расскажу об одном из представителей сахаровского круга, о Валентине Александровиче Слупском. Слышал о нём много, а виделся и говорил – раз или два. Да и то случайно. Наши дороги на заводе не пересекались. Я работал в редакции, посещал открытые или полуоткрытые цеха – 12-й инструментальный, 7-ой механический, 5-й оптический. Слупский же руководил такими производствами, куда, говорят, далеко не каждого директора завода пускали. По причине сверхсекретности. Плотно пообщался лишь на поминках Валентина Николаевича. Вместе курили на лестничной клетке.

Человек прошёл всю войну в разведке. На груди – ордена, на теле – шрамы. Кого-кого, а проверенных огнём и мечом, отдел кадров завода привечал. На «Арсенале», например, трудился бывший киевский школьник, который сохранил в оккупацию боевое знамя, попавшей в окружение дивизии Красной армии.

Валентин Александрович – сын комдива, коммуниста, арестованного в страшном 37-ом году, но не сломленного несправедливостью. Сын в боях отстоял право носить партийный билет и до сих пор, разговор наш случился в начале девяностых, хранил его.

Намеренно зафиксировал внимание на партийности. К событиям в жизни Слупского она имеет прямое отношение. Организаторские способности фронтовика пришлось на заводе ко двору, он быстро рос, его назначили мастером цеха. Дело молодое – влюбился. А жениться человеку, посвящённому в государственные секреты, не просто. Сотрудники ЗАГСа получили соответствующие указания. На дворе 1952 год – разгар последнего сталинского закручивания гаек.

Невеста ничего не утаила: она дочь «врага народа», внучатая племянница «сомнительного учёного», первого президента независимой Украины Грушевского. К моменту нашего разговора со Слупским на центральной улице Владимирской, наискосок от университета, уже возвышался памятник М.С. Грушевскому. В обращении появились купюры в 50 гривен, с его портретом. Именем его назвали улицу, ещё более центральную. На ней высится фундаментальное здание Кабинета министров (задуманное, правда, как апартаменты НКВД – народного комиссариата внутренних дел).

В даль, на сорок лет вперёд, влюблённый парень не заглядывал. Но глубоко задумался. Не о себе. О девушке. Как бы ей из-за него чего-нибудь не вlepили. Настоял на своём, наотрез отказался отодвинуть день свадьбы.

Его вызвали в здание «через дорогу» (словечко В. Н. Сахарова), в отдел кадров завода. Там сидели сотрудники с погонами офицеров КГБ, во главе с полковником. Для начала поинтересовались продвижением срочного изделия. Как бы ненароком перешли на личную жизнь и на порочащие связи. Фронтовой разведчик сдерживался, сдерживался и сорвался. Выдал запасы слов, что выручали в бою. Опешили граждане начальники. Или у них голова была занята другим – космополитов выслеживали. Отпустили с миром:

– Отец невесты получил по заслугам, как враг народа. Но товарищ Сталин учит, что дочь за отца не отвечает. Однако, будь, парень, начеку...

Сижу за пишущей машинкой и себе думаю: как бы на месте Слупского поступили нынешние ура-патриоты, особенно те, из Верховной Рады, с ул. Грушевского? Что-то мне подсказывает, окажись любой из них в подобной ситуации, он вряд ли настоял на женитьбе...

В квартире на Паньковской, где теперь музей Грушевского, молодого зятя поразило обилие книг. Застеклённые шкафы упирались темечком в потолок. Много шкафов, в комнатах, в коридорах. Но доступ к фолиантам перекрыли бумажки с печатями и неразборчивыми подписями. Автографами безымянных чекистов, что уводили на заклятие племянника историографа. Тоже не постороннего науке человека.

Под домашним арестом книги простояли четыре года до войны, более двух лет в оккупации и ещё девять лет до прихода «в приимы» молодого зятя. Не отодрал и он бумажки с печатями. Было собрался, да жена и тёща грудью встали. Попросили никуда не обращаться за разрешением. Забыли о них и забыли, не надо напоминать.

Больше с Валентином Александровичем мы не пересекались, пару раз по каким-то пустякам звонил ему, но, чтобы напроситься в гости на периферийную улицу Челябинскую, так и не решился.

На шикарные здания завода «Арсенал» прочной дореволюционной постройки уже в девяностые раззевали пасти господ, желающие перебраться поближе к центру, к бывшему зданию Киевского военного округа, переданного ЦК КПУ, затем – Администрации (Офису) президента.

Незаменимый начальник цеха, человек, досконально освоивший секреты производства, враз оказался никому не нужным. Оно бы, конечно, можно плюнуть и почивать на пенсии. Но она враз скукожилась до неприличных размеров. Глава семьи и его супруга получали по максимуму – по 49 гривен. В тогдашнем пересчёте на валюту – по 24 доллара, плюс 50 центов. Валентину Александровичу пришлось искать работу. Ничего лучшего, чем должность дежурного на платной автостоянке властители жизни ему не предложили. Что ж, мы люди не гордые, мы и это можем.

Пока отвлекались на воспоминания о друзьях поэта, действие поэмы шло своим чередом и приближалось к концу, к неминуемой развязке. Грамотный читатель-производственник понимал, что в середине двадцатого века *«телега в комплексе с кобылой»* не может служить образцом технической мысли. Так оно и случилось. Но не сразу.

*В основном-то под конец
Старые порядки.
Только там был образец,
А теперь десятки.
Раньше явно проще шло.
Трудности итожить –
Их на смежников число
Надобно помножить.*

*Всё же серию, никак,
Одолели люди,
Хоть и памятник в веках,
Им навряд ли будет.
Паник и взысканий год
Кончился на диво.
Вроде подошёл черёд
Дать конец счастливый.*

Словом, дошла-таки очередь до достижений, свершённых благодаря освоению серийного изделия. Впечатляет, не правда ли?

*Значит так. Промчались дни,
И недели тоже.
Пунктов много, но они
Выполнены всё же.
Газировки полон бак
И цветочки в зале.
И конвейер, как-никак,
Правда, без деталей.
Может, он недовнедрён,
Как оно не горько,
Но пока – отдельно он,
И отдельно – сборка.*

*Насчёт качества висят
Призывы в проходе.
Тут же смежников толпа
Доработки вводит.
Техпроцесс и прост, и чист.
Месяц на исходе.
Вот и сам экономист
Подсчитать заходит.
Серья – не эксперимент,
Понимают люди,
Дел на 101 процент
Непреренно будет!*

*Арифметика у нас –
Куда Академии,
Так и сходится баланс
На вопросе премии.
Планы есть. В итоге их
Уваженья знаки.*

***Вместо разработок и
Освоений всяких.***

***Это – будни. Но успех
Может только сниться,
Если не поднимешь всех
Опытом делиться.***

Иными словами, без показухи (термин тех лет) на признание и почести надеяться нечего.

***... Сделать клумбы во дворе,
И Доску почёта,
Всю историю (от карет)
Дать цветными фото.
Тут – серийный образец,
Целый и в деталях,
Так, чтоб техники венец
В этом увидали.***

***Надо – сделано. И вот
Аккурат к обеду
На означенный завод
Экскурсии едут.
Что тут было? Был восторг,
Речи говорились.
Два профорга и парторг
Даже прослезились.
Опыт повезли такой,
Что едва держались.
Говорят, и техникой
Интересовались.***

***Был большой концерт потом
(Понимай стратегию).
Там подшефный баритон
Даже спел «Телегию».
Был ещё в газетах стих
(О таком, да прозой!).
И поднялась слава их
Аж до выси звёздной!***

Предполагаю, последние строфы могут вызвать у иногородних читателей некоторое недоумение. Они не знают и не ведают, что в Киеве орденосный оперный театр и орденосный «Арсенал» дружили, что среди подшефных – часто

выступающих в цехах и на сцене заводского ДК – не только известные баритоны, но и знаменитые на весь мир примы – сопрано и меццо-сопрано.

По всем законам сатирического жанра действие поэмы шло к своему неминуемому концу. На завод прибыла комиссия. Приехала не в карете или на пролётках, а в ... автомобиле. На транспорте, соответствующем времени.

И... Всё ясно далее...

Главтелегу в Главутиль

Преобразовали.

Даже был три дня подряд

Траур на заводе,

Правда штаты, говорят,

Расширили, вроде.

– Ну, а новое, оно

Как живёт? Не знаю

Наше дело – стороной,

Наша хата с краю.

Может, взялся кто с умом,

Может, прямо скажем,

Заинтересован в том

Материально даже.

И хоть это не пустяк...

Стоп, поэт, ни строчки!

Дальше твой, читатель, шаг.

И прости, коль что не так.

Закругляюсь. Точка!

Не трудно понять, почему кураторы из министерства пустились во все тяжкие, дабы не дать дорогу серьёзной поэме того же автора, в которой чёрным по белому рассказывалось о переходе к серии через действующий макет. Макет пожирал месяцы и годы, изделие успевало устареть задолго до поступления в войска. Страдали не одни ракетостроители. Олег Константинович Антонов поведал, почему его знаменитый АН-2 не дождался замены при жизни авиаконструктора. Генералы, принимавшие изделие, всю дорогу вспоминали о военном У-2, имевшем одно «тягло». Никак не могли взять в толк, что два двигателя позволяют улучшить аэродинамику и остальные показатели. Заказчики вроде соглашались, но тут же требовали, чтоб самолёт взлетал и садился на одном двигателе.

Почти двадцать лет, до начала девяностых, я проработал в газетах Мурманской области. Пятый пункт моего паспорта закрыл мне в Киеве путь к профессии. Была, правда, ниша в виде работы в книжных издательствах, но меня она не увлекла. А от одного настойчивого предложения отказался напрочь. От должности редактора в конторе, занимавшейся выпуском православной литературы. Кому-то из идеологов пришла в голову мысль, что именно в этом заведении еврей самое место. Завлекали,

кстати, и заработной платой – свыше трёхсот рублей, почти столько же вместе с «полярками» я получал за Полярным кругом. Правда, уточнили, что на руки капнет всё та же сумма, положенная младшим литсотрудникам – 120 рублей, с возможным ростом до 150-ти. Столько останется после налога, наложенного на церковных работников.

В общем дышал полной грудью в местах с ограниченным количеством кислорода в атмосфере. В Киев ездил в отпуске. Кожей ощутил, какое это курортное место, пусть подпорченное водохранилищами. Недаром в царские времена здесь селились генералы и высшие чиновники, кому по причине не православного вероисповедания или заграничного подданства не положены были земельные наделы. Остатки особняков на Печерских холмах подтверждают: наёмникам на русской службе жилось вольготно.

В отпуске наносил визиты двум-трём киевлянам, общение с которыми подзаряжало на длинную северную зиму. Начинал с Валентина Николаевича. Много мне давали эти встречи. Даже в последние годы его жизни, когда операция на ноге (следствие дорожно-транспортного происшествия), затем инсульт почти обезножили его. Тяжело опираясь на палку, преодолевая жуткую боль, он заставлял себя передвигаться от кофейни к кофейне. И пусть внятно мог произнести только слово «Хорошо!», после встреч всегда уходил обогащённым и просветлённым. Реакцию на свои монологи ловил по глазам, по выражению его лица. Как в прежние годы, это был чёткий и не двусмысленный реаж.

Нет у меня государственных наград, если не считать «Медали ветерана труда». Зато передам внуку медаль, изготовленную в индивидуальном порядке на заводе «Арсенал» – с выгравированными на бронзе восемью стихотворными строками. В киевский период жизни, когда с работой в газетах не заладилось. Настроение аховое, а тут – дружеская рука. Стихи Командора, как водится, с некоторой подковыркой.

***«Проходят дни, а также дни рожденья,
И каждый раз по поводу сего
Тебе опять пишу я поздравленья,
А ты опять не пишешь ничего...».***

Жизнь вокруг и в космосе – полна событиями. Состоялась историческая стыковка на орбите советского корабля «Союз» с американским «Аполлоном». В продаже – сигареты «Союз-Аполлон». Плюс соответственно украшенная продукция ширпотреба. Во время стыковки космонавт А. А. Леонов проштамповал пачечку авиаконвертов. Для филателистов всего мира – раритет из раритетов. К когорте этих собирателей я мог себя отнести разве в начальных классах школы. Щедрый подарок В. Н. Сахарова, космического без преувеличения значения, берегу. Когда проваливаюсь в очередную жизненную неурядицу достаю конверт и волей-неволей подтягиваюсь, как по команде «смирно!». Более чем четверть века, как Валентин Николаевич ушёл из жизни, а надо же, чуть что подставляет своё плечо.

... Как-то летом, в июле 1980 года, Сахаров сам приехал в гости. Сказал, что из Москвы передали – умер Высоцкий. Поговорим, пообщаемся.

Признаюсь, новость огорчила, но не глубоко. Произнести не решился, уж очень грустным выглядел Валентин Николаевич. Сыграло роль обстоятельство, что барда я

слушал больше урывками, рвущимися из окон. Ну, ещё видел Высоцкого на сцене арсенальского ДК во времена единственных гастролей театра на Таганке, случившихся по причине того, что сын украинского партийного генсека Шелеста был физиком и меценатом. В театре оперетты, предоставленном Таганке, зрители больше глядели на приму киевской оперы Беллу Руденко, чем на Высоцкого в роли Керенского. Она щеголяла в брючном костюме. До неё представительницы киевского бомонда такие одежды не надевали.

Много лет спустя, в начале XXI века, в Киеве, в тогда ещё не переименованном Октябрьском дворце, выступала с «Песнями нашего века» группа бардов. Никогда – ни прежде, ни потом – не довелось окунуться в полное единение сцены и зала. Зрители стоя повторяли слова Владимира Семёновича. Не по просьбе-понуканию, по душевному порыву. Знаю, многие мои знакомые могут часами читать наизусть Пушкина, Лермонтова, А.К. Толстого, Есенина, классиков советской поэзии. Но не могу себе представить, чтобы они хором скандировали «Я вам пишу, чего же боле...» или «Я помню чудное мгновенье...». А здесь зал, не то, чтоб подпевал, а пел (в голос или про себя) вместе с бардами. Слова Высоцкого, подобно журавлям из отличного перевода стихотворения Гамзатова, плыли в небеса, помогая оставшимся на земле жить и преодолевать невзгоды другого времени и другой эпохи.

Валентин Николаевич в глухие брежневские годы поставил Высоцкого на пьедестал. Тактично, без нажима, вправил мне мозги. Как и подобает старшему и мудрому другу.

С юбилеем я поздравил Валентина Николаевича из точки пересечения шестидесятой параллели с киевским меридианом, почти совпавшим с мурманским. Только-только закончилась Полярная ночь, мы с женой выпили за здоровье Командора и за стабильное наличие солнца на горизонте. Из Киева друзья прислали фото события. Изюминкой стала цифра 50, выставленная рюмками, наполненными коньяком. Каждому из поздравлявших досталось по 50 граммов.

Вынужден прибегнуть к отнюдь не лирическому отступлению. Высочайшее указание про «трезвость – норма жизни» ещё не зародилось в начальственных головах. На юбилее – Валентин Николаевич уже «в меру седой» (строка из его стихотворения), весёлый, улыбающийся. Вряд ли он мог предположить, что рюмки на фото послужат доказательной базой для прожжённого интригана. Умело поддерживаемые слухи о том, что «Сахаров принимает», очень даже помогли директору завода при переводе стрелок со своего имени на «неблагонадёжного» главного инженера.

Я не общался с Начальником в цехах в конце месяца, во время длительных командировок в Москву или на «объекты». Однако десятки часов провёл бок о бок при написании обзоров для многотиражки. Не раз бывал у него дома и на даче. Потому решительно свидетельствую: Командор не чурался рюмки, как способа отойти от текущих дел при общении с близкими по духу людьми. Выпивку (даже с модной закуской в виде консервированной морской капусты или вафель) не считал занятием особой важности и мерилом мужского времяпровождения. От застолий с несимпатичными ему людьми – решительно отказывался. Отдельвался шуткой: «Зачем ещё лишний рот?!».

В поэзии Сахаров предпочитал эпические полотна, но и малыми формами занимался. Они тоже могли вызвать подозрение у тогдашних идеологов. Начиная с

первого стихотворения, опубликованного в стенной газете детского дома в далёком тыловом Иркутске. Лютый сорок первый год, враг на пороге Москвы, а четырнадцатилетний поэт решился усилить и осовременить классические строки Лермонтова: *«Да будь на то и Божья воля, не отдадим Москву!»*.

1965 год отложился в памяти бурным празднованием двадцатилетия Победы. Ветеранам войны – всем! – вручали Ордена Великой Отечественной Первой степени (при наличии других орденов и «белых» медалей). И второй степени – всем остальным. А Сахаров пишет о мальчишке, что сидит у отца на плече:

*У мальчишки есть...
Сильный папа, нежная мама,
Есть две бабушки у мальчишки,
Только дедушки – ни одного.*

Оказывались «не для печати» и стихи, вышедшие из-под пера Сахарова, когда его сокурсники по Дальневосточному военному училищу примеряли адмиральские погоны. Хотя бы «прямая речь» участника переправы через Днепр, сумевшего добраться до вражеского берега, но утопившего винтовку...

*Он о присяге хрипло говорил.
А я не понял.
Рядом зарыдали...
Я б в жизни переправу не забыл,
Когда б меня на ней не расстреляли.*

Представитель поколения, которому для отправки на фронт не хватило года, а то и меньше, Валентин Сахаров постоянно возвращался к той страшной войне. Умещал эмоции в десяти, двадцати, пятидесяти строках. Или в одном четверостишии, где эпиграф превысил по размеру стихотворный текст.

*«Извините. Отвлёкся на рукопашную...»
(Связист батареи по телефону адмиралу.
1942 год. Оборона Севастополя)*

*Пройдут года или века.
Неважно. Вечна боль поэта:
Родится ли когда строка
Эпиграфа достойна этого?*

Весь трудовой стаж Сахарова – на «почтовом ящике». Ему не трудно было представить, каково это трудиться в тылу на благо фронта.

*... А эшелон уж сутки скоро
Как ждёт на заводском дворе.
Ещё не подано на сборку
Стволов на сорок батарей.
Уж в сводке показал завод их,
И в Ставку доложил нарком.*

*И если будет где-то отдых,
То, верно уж, на свете том.
... А утром клейма военпреда
Последние нанесены.
И эшелон везёт к победе
Частицу лишь её цены.*

Одно из стихотворений Валентина Николаевича с полным правом можно назвать гимном – «Песни великой войны». Приведу начальную строфу:

*Лето сорок второго года...
Как вам трудно было, солдаты!
Не походы – вспять переходы,
Окруженья, бегство куда-то.
А куда, и сам чёрт не знает.
Смерть, она везде наступает.
Пограничники отстрелялись,
Враг прошёл по трупам героев.*

*А другие формировались
И уже готовились к бою
Под Смоленском и под Одессой,
Всё мечтая о перевесе.
И в подмогу им, не иначе,
Спел Утёсов песню тогда,
В дни, когда подлежали сдаче,
Наши русские города:
«Ты моряк, Мишка,
Моряк не плачет
И не теряет бодрость духа никогда...».*

Поэт помянул также «Помню я пехоту и родную роту...», «До тебя мне дойти нелегко...», «Ой, Днипро, Днипро, ты течёшь вдали...», «Вставай, страна огромная...». А подытожил строками:

*Лето сорок пятого года
Вековая не тронет плесень.
И сегодня без слёз попробуй
Спеть хотя бы одну из песен,
И расстрелянных, и открытых
И застрявших в горле убитых...*

Сахаров – создатель целого пласта заводского арсенальского юмора. На язык к нему опасались попасть. Припечатает так, что не отодрать. Он же породил ворох летучих эпиграмм и просто метких определений. Сейчас, когда от заводских цехов осталась одна оболочка, остроты, возникшие под шум станков да споры-разговоры с технологами и конструкторами, выглядели бы нелепо под стук ножей и вилок в дорогих ресторанах. Правды ради, надо сказать, что секреты, какие можно и нельзя, давно поутекали за рубеж. О чём напоминают красивые бутылки из-под китайской водки, в которых лаборантки, задержавшегося на отшибе конструкторского бюро, ставят цветы к 8 Марта и другим праздникам.

Выше намекал на возможности карьерного роста, кои предоставляла запись в «Трудовой» о работе на заводе «Арсенал» отпрыском партийного и советского начальства. Надо признать, среди них порой попадались башковитые люди. Другое дело, что происхождение из «проверенной семьи» резко ускоряло бег карьерного лифта. Сын первого секретаря периферийного то ли горкома, то ли обкома, И. П. Корницкий, стремительно прошагал по заводским ступеням, достиг определённых высот в Министерстве.

Начинал с рядовой должности инженера в пятом оптическом цехе. На способности парня обратил внимание глава цеха Мозес, прибывший в Киев из Ленинграда для придания «Арсеналу» оптического уклона. За считанные месяцы парень дорос до должности заместителя начальника цеха, а там и возглавил инженерную службу завода.

Корницкий знал наизусть стихи и поэмы Сахарова. Был у человека вкус к юмору, недаром возглавлял жюри заводского КВН. Претензий к его оценкам в общем-то не было.

На излёте девяностых Игорь Петрович привёз в Киев и раздарил бывшим коллегам толстенный сборник стихотворений и поэм В.Н. Сахарова. Плюс отдельную брошюру с экспромтами того же автора, предназначенными для узкого круга друзей. В исходных данных – ни грифа и номера цензора, ни славословий собратьев по поэзии. Тираж самый минимальный. К тому времени автора несколько лет не было в живых, завод еле-еле дышал. Фактически, получился памятник поэту. И, если хотите, заводу.

Валентин Николаевич щедро дарил свои экспромты друзьям. Доброжелательные, с улыбкой, с доброй подковыркой посередке. Как бы вызывал близких по духу на соревнование. Одно из таких дружеских посвящений Командору, на мой взгляд, достойно обнародования:

*Без улыбки путь далёк –
Нет того разбега.*

***Потому взлетел «Восток»,
Что была «Телега».***

Начальники, от которых зависела судьба страны, постарались не заметить «Телегу». Что уж говорить об эпитафиях того же автора. А меня время от времени посещает вопрос: как повернулась бы история страны, если бы профессионалы-реформаторы прочли и запомнили всего-то две строки Сахарова?

***И чтоб потом не оплошать,
Пока решили не решать...***

*Я.М. Махлин
2023 год
г. Киев*